

ли мокрые рубахи» (с. 272) и т.д. Кто-то назовёт это стилистическим хулиганством, а кто-то скажет, что автор «креативен» и шагает в ногу со временем – одно другому не противоречит.

Каков же итог? Перед нами книги на недостаточно изученные темы, и в этом смысле их выход в свет можно приветствовать. Однако в обеих имеются серьёзные упущения. В первом случае это обусловлено невысоким профессиональным уровнем исследования. Во втором – тем, что кропотливой работе с материалом автор предпочёл сомнительные лавры «теоретика» и «креативного» писателя. И об этом приходится лишь сожалеть.

К столетию Аркадия Георгиевича Манькова

Борис Миронов

19 марта 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного отечественного историка Аркадия Георгиевича Манькова. Он ушёл от нас 2 марта 2006 г., не дожив до 100-летнего юбилея 7 лет и 17 дней.

Аркадий Георгиевич родился в Санкт-Петербурге 19 марта 1913 г. Его отец, выпускник юридического факультета столичного университета, до 1917 г. служил обер-секретарём гражданского департамента Сената, а затем, в 1917–1931 гг., – членом коллегии адвокатов в г. Кашине, куда вынужденно уехал после Октябрьского переворота. Вести гражданские дела в суде после коллективизации он не имел сил и желания, поэтому в 1931 г. вернулся в Ленинград и до своей смерти в 1942 г. находился на хозяйственной работе. В 1930 г. Аркадий Георгиевич окончил среднюю школу в Кашине, но из-за своего непростого происхождения не смог продолжить учёбу в университете. Для приобретения рабочего стажа в 1931–1933 гг. он служил статистиком на комбинате «Красный треугольник» в Ленинграде и одновременно в 1932–1935 гг. учился на высших курсах библиотековедения при Государственной публичной библиотеке. По окончании курсов он работал библиотекарем сначала в НИИ жировой промышленности, а затем – в Государственной публичной библиотеке. Заработав необходимый стаж, в 1935 г. Аркадий Георгиевич, наконец, поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ). В те годы он писал прозу и участвовал в литературных объединениях. В 1940 г. он с отличием окончил университет и был оставлен в аспирантуре при кафедре истории СССР. Только в 1939 г., на 26-м году жизни, он был вынужден вступить в комсомол – иначе невозможно было поступить в аспирантуру.

В 1940–1941 гг. он – аспирант кафедры истории СССР исторического факультета ЛГУ. Начавшаяся война вновь на пять лет прервала его путь в науке. 1 июля 1941 г. он был призван в Красную армию и пять лет прослужил на командных должностях в частях аэродромного обслуживания Ленинградского и Волховского фронтов – командиром взвода, политруком и командиром роты,

начальником отдела кадров. Сразу после демобилизации в 1946 г. Аркадий Георгиевич вернулся в аспирантуру и закончил её под руководством И.И. Смирнова в 1948 г. триумфальной защитой кандидатской диссертации «Цены в Русском государстве в XVI в.» В апреле 1948 г. его приняли научным сотрудником в Ленинградское отделение Института истории (ЛОИИ АН СССР), где он работал вплоть до отставки в 1997 г., в том числе в 1964–1979 гг. в качестве заведующего отделом истории СССР периода феодализма (занимал он и другие должности – учёного секретаря и заведующего Архивом ЛОИИ). В 1962 г. он успешно защитил докторскую диссертацию «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.».

За 50 лет работы в институте Аркадию Георгиевичу удалось сделать необыкновенно много. Он издал свыше 100 книг, статей и публикаций источников объёмом более 400 а.л. и отредактировал более 30 книг. Уже его первая монография «Цены и их движение в Русском государстве в XVI в.» (М.; Л., 1951) получила заслуженное признание российских и зарубежных коллег, в 1957 г. она была переведена на французский язык. Столь же широкую известность имели его вторая капитальная монография «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.» (М.; Л., 1962) и третья «Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России» (Л., 1980; Изд. 2. М., 2003). Вершиной научного творчества А.Г. Манькова стала подготовка под его руководством академического издания «Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии» (Л., 1987), где он выступил также и автором комментариев к нескольким ключевым главам.

Аркадий Георгиевич активно занимался публикацией источников. Под его редакцией увидели свет «Иностранные известия о восстании Степана Разина», хозяйственные книги монастырей и другие документы, касающиеся истории России XVI–XVII вв. Особенно много сил он отдал публикациям законодательных документов XVII в. Двумя изданиями вышло «Законодательство и право России второй половины XVII в.» (СПб., 1998; 2002). В 1998 г. он стал ответственным редактором и комментатором четвертого тома собрания «Российское законодательство X–XX вв.» («Законодательство и право России второй половины XVII в.»).

В 1994–1995 гг. в журнале «Звезда» Аркадий Георгиевич неожиданно для всех опубликовал чрезвычайно интересные «Дневники 30-х годов», которые имели большой резонанс среди общественности благодаря остро критическому восприятию советской действительности и беспрецедентной откровенности автора. Отдельной книгой «Дневники» вышли в 2001 г., но маленьким тиражом – всего 500 экз.

К сожалению, Аркадию Георгиевичу не пришлось преподавать в вузе, если не считать того, что в 1950–1960-х гг. он вёл семинар на историческом факультете ЛГУ. В советское время совместительство для научных работников ограничивалось, а оставить науку, которая для него являлась смыслом жизни, он не мог. Немного было у него и аспирантов – они зачастую стремились выбрать научного руководителя с большим административным весом и социальным капиталом.

Работы Аркадия Георгиевича, в какие бы годы они ни создавались, отличал строгий академизм, поэтому они не потеряли и вряд ли когда-либо потеряют своё научное значение. В 1948 г., в начале его научной деятельности, С.Б. Окунь, заведовавший аспирантурой истфака, писал в его характеристике:

«Характерными чертами А.Г. Манькова как исследователя являются исключительная точность в работе, строгая самодисциплина, настойчивость и упорство. При этом его влекут к себе не частные “боковые” темы, а такие вопросы, которые касаются важнейших сторон Русского государства XVI–XVII вв.». В 1953 г. его бывший научный руководитель И.И. Смирнов, не слишком щедрый на похвалу, отметил: «Основные черты трудов А.Г. Манькова – богатство материала, тщательность его обработки и правильный анализ». Так работал Аркадий Георгиевич до конца своей жизни, всегда оставаясь подлинным учёным, лишённым житейской суетности, для которого главным было бескорыстное служение науке. За несомненные заслуги перед наукой в 1984 г. ему было присуждено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, в 1989 г. – премия АН СССР им. Б.Д. Грекова, а в 1998 г. – премия памяти митрополита Московского и Коломенского Макария в номинации «История России».

После смерти учёного осталась большая библиотека, состоявшая в первую очередь из исторической литературы. По инициативе его ученицы И.А. Черняковой, заместителя декана исторического факультета Петрозаводского университета по научной работе и международному сотрудничеству, большая её часть была куплена этим университетом. Более 300 изданий, в том числе оттиски статей автора и его коллег с автографами, его вдова, А.А. Вершинская, подарила исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии при историческом факультете того же университета.

Аркадий Георгиевич Маньков был не только крупным учёным с мировым именем, но и замечательным человеком. Его отличали глубокая внутренняя интеллигентность и порядочность. Он был отзывчивым и надёжным другом, человеком большой души, чистого сердца и редкой благожелательности. Он видел в людях прежде всего хорошее, страдал им в горе, радовался вместе с ними в счастливые минуты их жизни и никогда не завидовал успехам коллег. При этом он отличался независимостью суждений и принципиальностью во всех своих делах и отношениях.

Нельзя не сказать, что Аркадий Георгиевич был также прекрасным мужем (он был женат на дочери основоположника тверского краеведения А.Н. Вершинского) и замечательным отцом и дедом. Я попросил его дочерей Елену и Ольгу Аркадьевну написать несколько слов об отце. Вот что они написали.

«На долю поколения, к которому принадлежал наш отец, выпало много суровых испытаний и лишений. Они пережили голод, холод, бытовую неустроенность, две войны. Папа рассказывал, что первое его воспоминание о себе в детстве пришлось на революционные события 1917 года, – он смотрел на улицу из окна своей комнаты и видел, как мимо дома идут матросы. Потом были годы недоеданий, холода, проживания впятером в одной плохо отапливаемой комнате, наличие одной вельветовой куртки на все времена года. Но было всепобеждающее желание учиться, получить высшее образование. И здесь оказались препоны – сначала поступлению в ВУЗ мешало социальное происхождение (в высшие учебные заведения принимали, как правило, только выходцев из рабочих и крестьян). Впоследствии, когда всё-таки удалось преодолеть все преграды на этом пути и стать студентом исторического факультета Ленинградского университета, наступили самые страшные испытания – советско-финская и Великая Отечественная войны. Возвратившись с фронта, отец вернулся на родной факультет.

Поэтому, как и многие его сверстники, отец создал семью, когда ему было почти 40. В результате ценность семьи, радости семейного быта с праздниками, поездки на отдых, воскресные прогулки и, кажется, простое, но такое недоставаемое в предыдущие годы общение с друзьями: с застольными разговорами, совместными выездами на природу, играми в волейбол, катанием на лыжах и т.д. им ценились особенно высоко.

Много лет подряд в канун Нового года он надевал плюшевый зеленый халат, маску с красным носом, лохматыми, стоящими торчком бровями и усами, и... у нас на пороге появлялся Дед Мороз с подарками, говорил громким низким голосом. И наши сердца замирали – вроде и халат знакомый, и шапка папина “пирожком”, а всё же что-то новое, необычное и незнакомое, но точно очень весёлое и интересное! Папа легко сочинял остроумные и весёлые стихи (что делал постоянно на все праздники, в том числе и для друзей нашей семьи). Наиболее любимый вид отдыха папы – прогулки на природе. Любимые места прогулок – Пушкин, Павловск, а также вдоль берега Финского залива, по самой кромке воды.

Отношение к нам, его дочерям, было более добрым, более снисходительным к нашим ошибкам и решениям, чем у родителей наших друзей. Никогда не навязывал своего решения в жизненном выборе. Лишения прошлых лет приучили его довольствоваться малым в материальном плане. Он не испытывал особенного удовольствия от приобретения каких-то материальных благ, был равнодушен к приобретению предметов интерьера, одежды. Отговаривал нас от лишних, как ему казалось, трат на бытовые предметы и одежду. Но с удовольствием покупал абонементы в Мариинский театр, тратил деньги на отдых, развлечения и питание в процессе семейных выездов, отпусков, на обучение и книги. Очень сильно, до самозабвения, любил внуков. До последних своих дней заботился о них, близко к сердцу принимал всё, что с ними происходило.

Но всю жизнь у него была на первом месте работа, он безгранично был предан своему делу. Любил институт, в котором работал. В период переживаний или, наоборот, большого душевного подъёма говорил: “Так, понятно. Очень хорошо (или очень плохо) – в зависимости от происходящих событий. Ну, пойдем, поработаем”.

Вспоминая отца, невозможно не сказать, что он всегда был честен, принципиален, не шёл на сделки с совестью, как в работе, так и в жизни. Только под конец его жизни мы узнали, что он в конце 1940-х годов выступил в защиту сослуживца, который был в немецком плену во время войны. Несомненно, в то время это могло сильно повредить ему самому. Всегда отстаивал свои профессиональные и человеческие принципы, понимая при этом, что это может отрицательно сказаться на его карьере и благополучии. Своё глубокое, системное и, можно сказать, глубоко чувственное восприятие окружающей действительности он передал в своих опубликованных дневниковых записях, которые вёл в 1930–1940-х гг.»

Таким запомнился Аркадий Георгиевич Маньков коллегам, ученикам (в числе которых имел счастье состоять и я) и близким.